

ПРЕДИСЛОВИЕ

В детстве у меня была игрушка с трудно произносимым для ребёнка названием «калейдоскоп». Я помню ощущение неизбывного восторга, когда брала в руки волшебную трубу, подносила к лицу, один глаз прищуривала, а вторым наблюдала настоящее чудо: разноцветные стеклышки складывались в необыкновенные узоры, яркие, похожие то на рисунок ковра-самолёта, на котором в сказках летали волшебные герои, то на солнечную поляну, то на расцвеченный небывалыми цветами летний луг. Наблюдать эти превращения было так здорово, что дух захватывало! Но всё время мучил детский каверзный вопрос: «А что там внутри? Как получается это великолепие?». Пробраться внутрь чудесной игрушки не было никакой возможности, а разбить её ради удовлетворения простого любопытства не поднималась рука.

Так и жил калейдоскоп среди моих любимых кукол, зайчиков и мишек, пока по неосторожности ли, по какой ли другой причине не разбился сам. Горю моему не было предела: во-первых, теперь волшебные ковры-самолёты и сказочные луга превратились просто в горку разноцветных стёклышек, а во-вторых, стёклышки были так малы, что совершенно ни на что не годились, даже для того, чтобы сделать секретики и закопать под них фантик от какой-

нибудь невиданной конфеты, привезённой знакомыми или родственниками из поездки в Москву. Утешали лишь несколько прямоугольных зеркальных полосок чудесным образом уцелевших от утраченного чуда. В них потом долго смотрелись мои куклы, когда я принаряжала их в разноцветные лоскутки, оставшиеся от сшитых мне платьев.

Вот на такой волшебный калейдоскоп и похожи мои воспоминания о детстве. Это, скорее, не воспоминания-мысли, а воспоминания-ощущения цвета, эмоций, запахов. Это мои разноцветные стёклышки, которыми я очень дорожу. Вынимаю одно за другим, прищуриваюсь и... Вот оно, далёкое и близкое Детство. Удастся ли мне снова посмотреть в мой заветный калейдоскоп?

ГЛАВА 4

Дорога в деревню

Самая яркая картинка в моём калейдоскопе складывается, когда я вспоминаю одну из своих немногочисленных поездок в деревню. Разрозненные цветные стёклышки рисуют мне такой безбрежно-беззаботный мир, что поневоле охватывает детский восторг. А память хранит и в самые сложные жизненные моменты подбрасывает ощущение далёкой радости и покоя. Тем и живу. Не все ли мы родом из детства? Чем больше таких кусочков в памяти каждого, тем увереннее человек стоит на ногах, тем сильнее его корни и труднее их вырвать из почвы житейским бурям.

В деревню к бабушке, папиной маме, меня возят нечасто: дальняя дорога, занятость родителей, да и мама почему-то не очень любит там бывать. Но однажды всё-таки родителям пришлось отправить туда городскую внучку. Остальные, совсем дальние, не приезжают совсем. Исключение составляет только Сашка, оставленный бабке с дедкой на воспитание незамужней сестрой моего отца, Руфой. Она пытается устроить свою женскую судьбу, и ребёнок, к тому же инвалид, ей не очень нужен.

Дорогу в деревню я не помню совсем. В памяти осталась только еле видная тропинка, вьющаяся по дремучему лесу среди огромных елей. Мои сандалии скользят по рыжей прошлогодней хвое, а на лицо наваливается тягучий запах прелой листвы, грибов, мха, растущего островками около трухлявых пней и кое-где покрывающего стволы деревьев.

— Скоро мы придём? — спрашиваю я маму, боясь услышать в ответ, что идти ещё долго.

Мама, к счастью, отвечает, что страшный лес скоро закончится, а там, за лугом, уже речка и бабушкина деревня.

Скоро и правда неожиданно нам в глаза ударяет яркое солнце, как будто ночь неожиданно сменяется полуденным светом и блеском. После вязкой глухоты леса, после ядрёного хвойного духа в лицо ударяет горячий, пропечённый солнцем ветер, настоящий на луговом разнотравье. Тропинка становится заметнее, и идти по ней веселее. Кое-где на пригорках, среди невысокого клевера, попадаются земляничные островки с перезревшей ягодой. Так и хочется сорвать тёмную от перебродившего сока с выпуклыми шероховатостями семечек ягоду, раздавить во рту, почувствовать тёплый вкус лета, но мама торопит:

— Быстрее, мне надо успеть на обратный автобус!

А вот и речка. Речкой этот ручеёк можно назвать с большой натяжкой. Но мостик через него настоящий, сделанный из брёвнышек, с берёзовыми перильцами, покатым к берегам.

Вот и знакомый дом. Он самый большой и крепкий в деревне. Каменный, в два этажа, построенный ещё до революции местным купцом-богатеем. Дедушка купил его, когда женился на моей бабушке Евдокии. Женился без любви, по слову родителей, потому что оба они с бабушкой были из зажиточных семей. Они разные даже внешне — дородная, высокая, спокойная бабка в широкой юбке, в красивой кофте и невысокий, жилистый, юркий дед, всем одеждам предпочитающий военную гимнастёрку или — по особо праздничным случаям — вышитую косоворотку с жилетом, в карман которого с большой важностью опускает часы-брегет, выставляя напоказ цепочку.

Проходим по деревне — с любопытными лицами в маленьких окошках (каждый новый человек — событие!) к крыльцу.

— Ну, открывай, бабушка с дедушкой, наверное, во дворе.

Становлюсь на выщербленный временем и многочисленными ногами полукруг бывшего жернова, берусь за гладкое холодное кольцо, поворачиваю и оказываюсь в мягких объятиях. Бабушкин фартук, в который упираюсь носом, пахнет молоком, свежим хлебом и чем-то неуловимо домашним.

Проходим в дом, поднимаясь по высоким скрипучим ступенькам. Мама раздаёт подарки, наскоро обедает и уходит обратно через дремучий тёмный лес на большую дорогу, на автобус. А я остаюсь у бабушки. Мне немного

страшно. Впервые осталась без мамы. Но скоро новые впечатления вытесняют и страх, и тоску, и первоначальное чувство одиночества.

ГЛАВА 5

У бабушки

Вкус козьего молока на губах, на языке — кажется, я наполнена им до самой макушки. Мы с Сашкой лежим на печке, на старом тулупе и «гоняем пузырь», как говорит бабушка. Наши животы раздулись от полезного продукта, и мы можем только вздыхать и отдуваться. Даже разговаривать лень.

В кухне прохладно. Печка топилась утром, когда бабушка готовила, теперь день. В открытых окнах — ветки дуба, по которому мы с Сашкой можем залезть из палисадника в кухню, что и делаем часто, хотя дед нас очень ругает. Он строгий, и мы его немного побаиваемся. Сейчас дед спит. Готовится идти в ночной караул. Он так и не вступил в колхоз, поэтому из всех общественных работ выполняет только эту: в свою очередь ходит охранять деревню.

На гвоздике у двери уже висит на толстой верёвке доска и рядом — деревяшка-колотушка. Сторож должен всю ночь ходить вдоль по деревенской улице из конца в конец и стучать ею по доске. Под мерный деревянный звук, оказывается, спокойно спится.

Здесьняя ночь больше похожа на городские сумерки, только в городе нет таких запахов и звуков. Там всё другое: напряжённое, резкое, стрессовое.

Здесь — усиливающийся к ночи горьковатый запах полыни, шелест реки, ежевечернее мерное тягучее мычание бредущего по деревенской улице стада, фонтанчики пыли от ленивых ударов пастушьего бича о землю:

— Не балуй! Куда пошла, Зорька?!

И хозяйское:

— Бя-а-аша, бя-а-аша! — так бабушка и другие женщины подзывают своих овец.

Как эти рогатые разбирают, куда идти, бог весть, но не путаются, бредут к своим воротам, наверное, знают дорогу.

Встреча деревенского стада — всегда событие. Из дворов на улицу выходит почти вся деревня. Хозяйки разбирают свою скотину, мужики пользуются случаем передохнуть после трудового дня, перекинуться парой слов друг с

другом и с пастухом, а мы, ребяташки, просто вертимся под ногами, со страхом смотрим на быка с кольцом в носу, на бодливую и непослушную Зорьку, гладим и пытаемся загонять во дворы овец.

Сейчас мы разбежимся по домам, потому что настанет час вечерней дойки. Тёплое молоко упругой струёй будет ударяться о стенку цинкового ведра: «Дзынь! Дзынь!» — и только кое-где будет слышно, как успокаивают своих питомиц доярки.

У моей бабушки — только коза. Молока мы с Сашкой уже напилась. Я по городской привычке спрашиваю:

— Можно пойти погулять?

— Пошла! — отвечает мне бабушка.

Я не совсем понимаю, это значит — можно или нельзя, но смотрю, как, прихрамывая, улепётывает Сашка, и бросаюсь за ним.

Уже прожив в деревне неделю, я поняла, почему так легко соглашалась на наши поздние гулянья бабушка. В деревне нельзя было заблудиться, ни от кого из жителей нельзя было ждать ничего плохого, а от разных глупостей и бесшабашностей мы были надёжно защищены более взрослыми местными ребятами, которые гуляли вместе с нами. К тому же, сейчас стоят белые ночи, поэтому местные ребяташки на улице чуть ли не до рассвета.

Наш разновозрастный отряд собирается в чьём-то сарае. Поздно. Я, дитя городского режима, уже зеваю и думаю, не улизнуть ли потихоньку домой, но тут начинается самое интересное. Старшие мальчишки заводят рассказ о лешаках и ведьмах, которых встречали местные или они сами. Привирают, конечно, но мне становится так страшно, что даже в безобидном стрекоте кузнечиков слышится что-то злое. Ни в коем случае не соглашаюсь идти домой одна, даже Сашка не кажется мне надёжной защитой, поэтому провожать меня идут всей командой, для пущего эффекта добавляя страшных подробностей в уже рассказанные истории. Похоже, все присутствующие, кроме меня, их уже не один раз слышали.

— А может, они такие храбрые? — думаю я, когда над нашей головой прочёркивает серое небо чёрная мгновенная тень.

— Ииии!!!!- взвизгивают, приседая, девчонки, — опять кровь у коров пила!

— Кто? — замирая от страха, спрашиваю я.

— Мышь летучая! Ты её, никогда их не видела, её ли? — всплёскивает руками соседская Лизка.

— Ну и не видела, — заступается большой Виталька, — где там в городе мыши-то водятся, там и коров-то нет.

Я виновато отпускаю голову и бреду вслед за провожатыми.

Мы почти подходим к дому и тут слышим колотушку сторожа.

— Охра-а-а-ня-я-йй! — дежурно кричит дед и показывается из-за пригорка.

Вдруг меня охватывает такая радость, такое чувство защищённости, что я бегу ему навстречу, утыкаюсь носом в жёсткую ткань гимнастёрки и начинаю всхлипывать.

— Ну, чё ты, чё ты, Танюха? Нагулялась? Давай к бабке, спать, — говорит дед, похлопывая меня по спине, доводит до крыльца, и я, махнув на прощанье ребятам, захожу в прохладные сени. Успеваю подумать, что Виталька, Лизка, Сашка будут ещё носиться и наверняка будет много интересного, но эта мысль не вызывает у меня сожаления. На сегодня впечатлений достаточно. Спать. Спать. Спать.

ГЛАВА 6

Дом

О бабушкином доме стоит рассказать отдельно, потому что он является особенной частью моего деревенского бытия. Он как будто всегда жил своей собственной жизнью: вздыхал во время сильного ветра, в нём что-то потрескивало под палящими солнечными лучами нечастых жарких северных дней.

Это не значит, что он был стар. Хотя возраст дома исчислялся не одним десятилетием, нет, он был загадочен и мудр, этот дом. Каменный, сложенный из красного кирпича пятистенок был так крепок, что, когда дед с бабкой умерли, а далеко живущие дети решили его продать, покупателя в деревне, пришедшей к тому времени в упадок, не нашлось, и какой-то смельчак из соседнего села решил купить его на разбор. Дом устоял! Ломались кирпичи, которые были и нужны покупателю, а вот скрепляющий их раствор не поддавался. Мужик потребовал назад деньги. Тётки, вздохнув, согласились. Моего отца тогда уже не было в живых, история с продажей дома обошла мать и меня стороной, но я помню, как тётки, останавливавшиеся у нас во время приезда для совершения сделки по продаже, говорили то ли с огорчением, то ли с гордостью:

— А мы-то думали, болтали люди, что яичные желтки в раствор мешали, чтоб сто лет стоял!

Никогда ни до, ни после не попадала я в дома с такой удивительной архитектурой, может быть, просто не очень хорошо знакома с образцами деревянных изб, но бывала и в Рязанской, и в Тверской, и в Ярославской губерниях, и в Татарии, и в Марий Эл — куда только ни заносила судьба, и всё время приходилось убеждаться: нет похожего на дедов дом. Наверное, поэтому всё чаще всплывает он в воспоминаниях — большой, всегда, даже в самую изнурительную жару, дышащий прохладой и запахом трав.

С крыльца под резным козырьком, со старого, протоптанного до вмятин мельничного жернова вступаешь в прохладные сени и сразу попадаешь на узкую высокую лесенку с резными перильцами и балясинками. Она ведёт в основную часть дома, самую большую и самую притягательную для меня. Это — второй этаж. Наверное, под лесенкой, а может, где-то ещё находится вход в людскую, комнату, в которой раньше жили дедовы работники, к сожалению, я там ни разу не была. Будь мальчишкой, наверное, излазила бы каждый уголок, но впечатлительной девочке хватало рассказанных Сашкой страшных историй, чтобы не пытаться даже отыскать заветную дверь в таинственное помещение.

На втором этаже можно пойти по широкой крытой галерее вдоль окон кухни на балкон, а можно, перешагнув порог, вступить в прохладные сени, где в углу у бабушки всегда стоит бак с холодным квасом. Квас сладковатый на вкус, пахнет травами и ржаным хлебом. Мы с Сашкой после беготни и купания в речке часто забегаем в сени и, не заходя в комнаты, хватаем наперегонки кружку и пьём, пьём, пьём душистый напиток, в котором смешаны запахи луга, огорода, лета.

Налево — дверь в кухню. Это не та кухня, которую встретишь в каждой деревянной избе. Это большое помещение, в котором обязательная печь занимает всего лишь небольшой угол. Вдоль стен, под окнами, что выходят в галерею, стоят не привычные лавки, а диванчики на изогнутых ножках. Сиденья плотно обтянуты чёрным дерматином, так часто прибитым маленькими гвоздиками с круглыми шляпками, что получается блестящая металлическая окантовка. Помню, сидишь на таком диванчике и пробуешь отковырять ногтем гвоздик — не поддаётся! Сделано на совесть!

В красном углу — иконы. Бабушка с дедушкой всегда молятся, обращаясь к ним, утром и вечером. Дед торопливо крестится и что-то быстро шепчет, переступая с ноги на ногу, шевели губами. При этом усы у него воинственно топорчатся, и сам он становится похожим на небольшого юркого жука. Ба-

бушка стоит перед иконами прямо, почти неподвижно, просит о чём-то Боженьку — основательно, кланяется с достоинством, каждый раз потом при-трагиваясь к концам платка, как будто проверяет, не нарушил ли что в её внешнем облике низкий поклон.

В простенке, над столом, висит старое зеркало в резной раме. Оно потемнело и кое-где потрескалось от времени, поэтому в него никто не смотрится. Просто занимает оно раз и навсегда положенное ему место. Под зеркалом — самое интересное для меня — в потемневшей от времени раме — деревенская летопись семьи. Фотографии бабушки и дедушки — молодожёнов с напряжёнными лицами, погибшего на войне, в боях под Москвой, старшего их сына Жени, маленьких внуков, взрослых детей. Есть даже потрескавшаяся карточка прежних хозяев дома. Оказывается, продав дом и уехав куда-то на Урал, они долго ещё писали письма новым владельцам. Скучали. Дом просто так от себя не отпускал.

Поперёк кухни, под зеркалом и рамкой с фотографиями, стоит большой длинный стол. С одной стороны — стулья с высокими спинками, а вдоль окон — лавка. Стол для большой семьи. Сейчас мы едим за ним вчетвером. Дед садится на стул во главу стола, бабушка хлопочет у печи, потом присаживается на краешек скамьи, мы с Сашкой забираемся на лавку.

На обед — суп из печи, картошка в мундире и холодное молоко. Его бабушка достаёт из погреба. Запотевший бок крынки в теплоте кухни сочится слезой, а внутри — топлёное молоко с коричневыми пенками. Я, категорически отказывавшаяся в садике пить молоко с пенкой, придирчиво смотрю в стакан к Сашке: а вдруг ему перепадёт коричневого, похожего на шоколадную стружку лакомства больше, чем мне? Но бабушка умудряется так разлить по гранёным стаканам густую, с тёмными прожилками жидкость, что никто из внуков не чувствует себя обиженным.

Из большого закопчённого чугунок наливает в металлические тарелки суп. Перед дедом — стопочка, которую он наполнил из графина, взятого в буфете. (Ещё одна примечательность дома — буфет тёмного дерева с красивыми резными дверцами и помутневшими от времени стеклами. В нём хранится у бабушки праздничная посуда). Дед опрокидывает стопку в рот, крикает, вытирает ладонью ус и, взяв ложку, стучит ею по краю тарелки. Можно есть.

Мы с Сашкой, набегавшиеся и изрядно проголодавшиеся, мечем всё подряд, запивая холодным ломозубым молоком. Напихав в себя и суп, и картошку, и молоко, чаще лезем на печку, а если есть силы, убегаем на улицу. Иногда

я не составляю Сашке компанию, потому что хочу побыть в одиночестве, и тогда иду в другие, дальние, комнаты.

До сих пор помню трепет и волнение, как тогда, в детстве, когда ступала по прохладным широким доскам пола в сенях, приближаясь к заветной двери светлых комнат. Берусь за железную узкую скобу-ручку. Тяжёлая толстая дверь поддаётся с трудом. Переступаю через внушительных размеров порог. Вот первая комната. Маленькая. В ней — печь-голландка и широкая тёмного дерева с шишечками в изголовье кровать у окна. Но не эта комната — предмет моих устремлений. Как всякая девчонка, я люблю всё интересное, необычное. Таких вещей в следующей комнате полно. Хотя бы взять вазы. Высокие, разноцветного стекла, с узкими горлышками для одного изысканного, не деревенского цветка. В них у бабушки стоят бумажные букеты, но даже я, тогдашняя, понимаю, что вазы эти созданы для другой, не бумажной красоты, и люблюсь ими, люблюсь...

Потом потихоньку открываю шкаф-горку. Тут — настоящее великолепие. И тонкого фарфора соусники. (Кто, когда во время какого званого обеда или ужина передавал соус в нём рядом сидевшей даме? Ну, уж точно не дед и не бабка, всю жизнь евшие из глиняной, в лучшем случае, из металлической посуды!) И супницы с красивыми, в виде цветка, ручками на крышках, тут блюда с воздушно-ажурными краями... И вот я уже воображаю себя на балу, звучит музыка, движутся в чинном менюэте пары, а из кухни плывёт аромат изысканных блюд.

Очень хочется вынуть из шкафа всю фарфоровую изысканность, рассмотреть, потрогать, провести по гладким отполированным временем и руками дворни и хозяев бокам, но я боюсь. Нет, никто и никогда не запрещал мне этого делать, просто содержимое шкафа — для меня священная неприкосновенность, которая окружена тайной и загадками. Тронь — и развеется.

В этих комнатах всегда тихо и прохладно. По крайней мере, именно такие ощущения остались у меня в памяти. Помню, что только один раз священная тишина была нарушена. На Ильин день, праздник деревни, в родовое гнездо съехались многочисленные дети и внуки.

Причём, места хватило всем. Дело в том, что мои дядьки не были однолюбам, каждый был по несколько раз женат, во всех семьях были дети, и надо сказать, выросли все, выучились, умом никого Бог не обидел. А вот внуки уже, раз построив свои семьи, держались в них навсегда, видать, расплатились дядьки за какие-то прежние дедовы с бабкой грехи. А может, грехи эти

и не грехи вовсе, а родительское принуждение жениться без любви, по принципу «богатство к богатству», которое, как известно, счастья не приносит...

В тот вечер все были бесшабашно веселы, потому что выпили за столом за встречу. Дети демонстрировали свои таланты: Наташка из Запорожья — сидела на шпагат и делала мостик, Иринка, её сестра, читала стихи, Серёжка из Нижнего Тагила показывал фокусы. И одинокие сёстры, так и не составившие своего женского счастья, и невестки, уже разведённые с мужьями, моими дядьками, — все сидели вместе и хвалили разошедшихся не на шутку отпрысков. Дед с бабкой были тут же. Довольные и тоже хмельные.

Я сидела на кровати с высокой периной и смотрела вокруг, слушала дом, понимая, что он принимает и общее веселье, и радость. Величественная задумчивость светлых комнат очень гармонично сменилась смехом и шутками, и дом принял эту замену и был солидарен с ней.

Я ещё не рассказала про двери в сенях напротив светлых комнат. Их было несколько, и все они вели сначала в небольшие клетушки, в которых у бабушки висели аккуратные венчики — сборы мяты, Melissa, зверобоя, ромашки. (Вот откуда извечный запах трав в доме!) Там же стояла всякая хозяйственная утварь. Из этих небольших помещений можно было по длинной лестнице спуститься прямо на задний двор, в огород, пройти хорошо протоптанной тропинкой к холодному ключу и к бане. Там, в предбаннике, тоже стоял жбан с квасом, висели готовые берёзовые веники, лежали приготовленные для растопки дрова.

Помню маленькое оконце в бане, жаркую верхнюю полку, котёл, обложенный кирпичами, на которые плескали водой, и лавки, тазы, полки — всё заполнялось молочным душистым паром, и, только присев на корточки, можно было дышать.

После бани мы, намытые до скрипа, румяные и разморённые, садились к большому самовару пить чай. Заваривался он на смородиновом и малиновом листе, бабушка выставляла к нему земляничное варенье и жёсткие, зубы можно сломать, баранки. Вкуснее этих твёрдых баранок, душистого земляничного варенья лакомства я не помню. Может, это запах детства? Того забываемого времени, которое, уходя, никогда не уходит безвозвратно? Стоит только повернуть детский калейдоскоп, и сложится картинка. Деревенский дом, бабушка и дед, счастливо улыбающиеся родители, спокойствие и тихая радость.

ГЛАВА 7

Двор

Двор в деревенском доме — это особый притягательный мир, со своим запахом, цветом, звуками, даже со своим собственным климатом. Когда днём основательно и серьёзно, по-северному, землю жжёт немилосердное палящее солнце, в бабушкином дворе прохладно и даже чуть сыро, хотя дождь пролился не меньше недели назад: то ли утки, вечно купающиеся в каждой найденной луже, развезли эту влажность, то ли поросёнок Борька опрокинул в очередной раз корытце с водой.

Поднимешь голову вверх и увидишь лоскут небесной лазури. Хорошо! Только бабушка всё чаще с тревогой бросает взгляд в вышину: повадился с недавнего времени коршун таскать цыплят. Через некоторое время и я замечаю парящую в небе точку. Она, увеличиваясь в размерах, принимает очертания того самого хищника, от которого бабушка спасает маленькие желтые комочки. Птица проносится мимо, бабушка машет платком:

— Пш-ё-ёл! — и коршун зависает в квадрате неба, раскинув несоразмерно большие по сравнению с маленьким и, на первый взгляд, безобидным тельцем.

Но вот, сделав один, другой круг, плавно покачиваясь на воздушных потоках, коршун спускается ниже, и я уже могу разглядеть острую маленькую головку с чуть загнутым клювом, чёрные блестящие точки внимательных злых глаз.

— Пш-ё-ёл!!- вырывается у меня похожий на бабушкин крик, и я, звонко рассекая воздух, взмахиваю прутом, которым только что гоняла уток.

— Вжжжиик! — шипит вспоротая высота, и хищник, лениво покачиваясь на напряжённых широко расправленных крыльях, снова превращается в едва видимую точку.

— Нет, загнать надо цыпляток от греха подальше, — говорит бабушка и, присев на порожек хлева, зовёт:

— Цыпа-цыпа-цыыыпа!

Вслед за курицей с подкрашенным крылом сбегаются к бабушке пушистые шариком на тоненьких ножках. Бабушка ловко закрывает их в специальную загородку с натянутой сверху сеткой. Теперь мы спокойны. Можно идти за мукой в амбар.

ГЛАВА 8

Амбар

Если хотите попасть с уличной жары и разнообразия звуков в тишину и прохладу, то достаточно просто открыть тяжёлую дверь амбара. К сожалению, это не всегда удаётся: она запирается большим (наверное, не случайно он так и называется) амбарным замком. Ключ от него не спутаешь ни с каким другим. Он тоже увесистый, внушающий уважение, тяжёлый ключ, с огромной бородкой. Он с достоинством поворачивается в замке и открывает дверь в мир благополучия и достатка.

Амбар — это прямоугольное каменное строение, вытянувшееся вдоль всего двора. Внутри тихо и величественно стоят большие деревянные лари. Мне очень хочется заглянуть в каждый из них. Что там скрыто под тяжёлой крышкой с внушительных размеров замком? Наверное, если бы я попросила бабушку, то она обязательно удовлетворила бы моё любопытство, но тогда, постеснявшись, не спросила. А сейчас могу только догадываться и жалеть о своей детской нерешительности.

В тяжёлые времена, когда мой предприимчивый дед, в очередной раз придумал способ зарабатывания денег, был извлечен (не из этого ли амбара?) большой деревянный круг-барабан, запасы воска, и мой предок, вдохновлённый новым проектом, принялся делать свечи для местной церкви. Помню, как приехавший отец был возмущён такой инициативой:

— Папа, узнают, меня из партии погонят, ведь я секретарь парторганизации, — увещевал он, возбуждённо рассказывающего о новом почине и неплохих доходах старика.

Не помню, чем окончилась именно эта дедова инициатива, но деньги у него были всегда. То ли ум у него был таким образом устроен, что бизнес-проекты в его голове рождались сами собой, то ли воплощались они проще, без многочисленных согласований с чиновничьей братией, но всегда или почти всегда его начинания приносили в семью доход.

Как сейчас вижу его, сидящего в кресле в нашей городской квартире. Он такой щуплый, как подросток, что утопает в этом кресле, но старается сидеть прямо, весь, как сжатая, но готовая вот-вот распрямиться пружина, хотя неподвижен, и напряжённую внутреннюю жизнь выдают только руки: сухонькие пальцы, больше похожие на птичьи лапки, выби-

вают по полированной поверхности подлокотников только им понятную музыку.

— Что-то опять задумал, — шепчутся отец с мамой.

А дед, вдруг подскочив с места, хватает саквояж, вталкивает туда заранее приготовленные к его приезду бутылки из-под пива, лимонада и исчезает, громко хлопнув дверью.

Мы не удивляемся, зная эту его странность: он очень любит сдавать бутылки, теперь я думаю, что процесс получения денег за бесполезные, по его мнению, пустые стекляшки, был для него завораживающим, с этого момента начинала биться его предпринимательская идея, в конце концов находившая воплощение в жизни.

Много лет прошло с того времени, когда дед, постукивая пальцами, сидел у нас в кресле, бегал, смешно подпрыгивая, в пункт сдачи стеклотары, когда сидел в этом же кресле понурый и удручённый: похоронил нелюбимую (или всё же через столько-то лет полюбившуюся?) жену, никогда не забуду, как он, приехавший от кого-то из родственников, катался по полу со страшными болями в животе, а отец метался в ожидании скорой, как папа вернулся под утро к нам, замершим в тягостном ожидании, посеревший лицом и произнёс только одно слово:

— Всё...

Я, тогда уже взрослая, почему-то в тот момент, как вспоминается сейчас, даже не подумала о деде — меня пронзила жалость к вдруг постаревшему отцу, и только потом, когда гроб с телом покойного выставили во дворе в ожидании автобуса — на кладбище в Кировскую губернию, где уже была похоронена бабка, только потом, когда редкие осенние снежинки, падая на серое заострившееся лицо деда, не таяли, а я всё удивлялась этому, только потом, когда мне очень хотелось укрыть его тёплым одеялом, чтоб не замёрз, я поняла, что дед ушёл навсегда. И тогда расплакалась горько и безутешно. Пожалуй, смерть деда была первой утратой в моей жизни, которая прочно поселила во мне мысль: есть вещи, которые исправить нельзя, даже если очень захотеть.

Любила ли я деда? Однозначного ответа на этот вопрос у меня нет. Он всегда мне казался таинственным и немного странным. Сила притягательности его личности в загадочности. Он был и остался для меня тайной. И тут бессилен мой детский калейдоскоп: не складывается чёткая симметричная картинка. Портрет деда расплывается, выпячиваясь яркими пятнами его био-

графии. Одно я знаю точно: черты неординарной личности моего предка не потерялись, иногда я вижу их в моих сыновьях.

Когда я захожу в бабушкин амбар, вспоминаю сказку про Колобка: «по сусекам скребла»...

В моём тогдашнем детском представлении «скрести по сусекам» — это значит большим совком (настоящим, каким набирают муку и сахар в магазинах!) сдержанно блестящим из-под многочисленных трудовых царапин, набирать из огромного ларя, куда, наверное, пять таких, как я, спрячутся, поднимающую небольшое мутное облачко муку.

Ларь выше моего роста, и для того, чтобы туда заглянуть, мне нужно просить бабушку взять меня на руки, но она, зная моё всегдашнее любопытство, не только подсаживает, приподняв сильными крестьянскими руками, но и разрешает, перевесившись через тёплый деревянный край, набрать несколько совков муки и положить их в большое металлическое блюдо. Сегодня будут блины. Причём не обычные, а многоэтажные, как их называют здесь, коман-мельна.

Коман-мельна — это блины с начинкой, которая запекается сверху. Она может быть разной: картофельное пюре, каша и т.д. Верх блина лоснится от масла и запекшейся коричневой корочкой сметаны. Мы с Сашкой съедаем по одному большому вкусному кругу, запивая молоком. Смеёмся, показывая пальцами друг на друга, — у каждого густые белые усы — и убегаем на улицу. Впереди ещё целый длинный день. Для Сашки, знающего в деревне каждую тропку и каждый кустик, он, наверное, обыкновенный, а для меня он будет полон новых интересных открытий.